

Виктор Тен

ЧЕЛОВЕК БЕЗУМНЫЙ

на грани сознания

*«Все долгие десятилетия научной жизни,
вся моя интуиция... всё – за эту глыбу,
за представленную Теном теорию антропогенеза».*

Наталья Бехтерева

Виктор Викторович Тен Человек безумный. На грани сознания

Серия «Парадоксальная антропология»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42553069
Виктор Тен Человек безумный. На грани сознания:
ISBN 978-5-04-101201-4

Аннотация

Новая книга известного «возмутителя научного спокойствия» Виктора Тена погружает в истоки сознания и глубины психики, куда пытались проникнуть философы, психологи, биологи. Специалисты рекомендуют это исследование как «добротный учебник» по истории психофизиологии. Неожиданный выход из тупика, куда попала наука, не сумевшая в изучении сознания оторваться от обезьяньих рефлексов. Почему человек – единственное из живых существ на Земле – смог освободиться от власти животных инстинктов? Какую трагедию пришлось пережить ему в переходном состоянии? Благодаря чему безумцу с расщепленной психикой, Homo sapiens, удалось преодолеть первобытную шизофрению? Автор доказывает, что наш вид спасли не труд, не охота за дичью или падалью и даже не груминг, а... любовная страсть. Развитие теории, основанной на

выдающихся открытиях отечественной психологии и получившей поддержку ученого с мировым именем Натальи Бехтеревой.

Содержание

Предисловие	6
Глава I	8
С чего начать?	8
Зарождение психологии как науки	14
От интроспекции к бунту против сознания	19
«Паскудный» бихевиоризм	28
«Дорожная карта» Бехтерева	43
Глава II	46
Партиципация и сопричастность	46
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Виктор Тен

Человек безумный

На грани сознания

© В. В. Тен, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

*«Все долгие десятилетия научной жизни,
вся моя интуиция... всё – за эту глыбу, за
представленную Теном теорию антропогенеза».*

НАТАЛЬЯ БЕХТЕРЕВА

Предисловие

Новая книга Виктора Тена развивает идеи, впервые изложенные им в книге «Из пены морской. Инверсионная теория антропогенеза» (2005) и серии статей в рецензируемых журналах. Автор переосмысливает всю трудную историю психофизиологии с тех пор, когда она еще не оформилась как наука. Признаюсь, мне не приходилось видеть книг, где проблема истока сознания, поставленная Декартом и не решенная до наших дней, была бы изложена столь емко и столь кратко. При этом автор поднимает и переворачивает пласты, в которых давно никто не «копался». Проявляя на зависть свободное владение материалом, он переосмысливает наследие Л. Леви-Брюля, Э. Кречмера, Ж. Пиаже, А. Валлона, В. Джемса, В. Кёлера, Ч. Шеррингтона, З. Фрейда, К. Юнга и других известных психологов и психофизиологов. Он удивляет находками и проникает в самую суть.

Импонирует, что автор подчеркивает вклад российских ученых: И. Павлова, В. Бехтерева, А. Введенского, А. Ухтомского, Б. Поршнева и других. Как выпускнику факультета психологии МГУ мне был крайне интересен пересмотр позиции Л. Выготского, ведь на факультете был и остается его «культ». Книгу смело можно считать добротным учебником по истории психофизиологии. При этом в книге представлены и последние открытия в области нейрофизиологии, пси-

хофизиологии, психоанализа (Ж. Лакан, Д. Деннет, Д. Чалмерс и др.).

Если обсуждать концепцию книги, то она, безусловно, состоятельна и может послужить основой для дальнейших открытий в решении трудных проблем сознания. Многие идеи Виктора Тена, на мой взгляд, парадоксальны до гениальности. Предложенное им решение происхождения сознания ново, интересно и правдоподобно.

В. Тен разговаривает с читателем просто как с умным человеком, без политесов и беспредельного пиетета к авторитетам, чего избегают исследователи, опасющиеся за свою карьеру. Это значит, что он пишет не ради карьеры в науке, а ради самой науки, что в наши дни тоже редкость.

Д-р М. Глазунов,

Хартфордширский университет, Англия

Глава I

Проблема сознания в истории

С чего начать?

Можно привести целый список мыслителей, начиная с Будды, Сократа и Лао Цзы, в трудах и опытах которых проблема истока и сущности сознания не просто явлена, но является главной темой. О научном мышлении следует говорить начиная с Декарта, ибо до него предметом раздумий являлось не сознание, а дух и душа. Это знание являлось эзотерическим и выходило на духовные практики.

Во времена Декарта монополию на предметную область духовного крепко держала в своих руках церковь. Любая попытка иной – не богословской – постановки вопроса рассматривалась в качестве сурово наказуемой ереси.

Декарт избежал обвинения, обозначив мышление в качестве «другой» субстанции, что формально не означало покушения на предмет теологии. Предмет был не изменен, но подменен. Душа, предмет богословия, отошла на второй план, на первый план вышло мышление, и благодаря этому стала возможна светская наука.

Благодаря Декарту была создана видимость, будто нау-

ка, занимаясь мышлением, души не касается. Формально это выглядело не более чем обособление предмета науки от предмета теологии. Богословы проглядели, когда у них очень хитро отобрали монополию, внешне даже не покушаясь на нее. Не последнюю роль в успехе уловки Декарта сыграло то обстоятельство, что полемическая часть его сочинений была направлена против набиравшего силу эмпиризма (Локк и др.), с которым церковь тоже боролась. Хитер был Декарт: боролся с церковью, на словах попирая ее врагов.

Впрочем, он в самом деле видел узколобость английского эмпиризма, который потом перейдет в английский позитивизм, потом произведет на свет американский бихевиоризм и прочие довольно скучные явления, которые можно в лучшем случае считать мелкой наукой по фактологии и большой глупостью по идеологии.

Знание Декарта основывалось на первичном *принципе очевидности*, основанном на непосредственной достоверности. То, что очевидно (*ideae clarae*), первенствует над приобретенным посредством опыта, который всегда вторичен. Эмпиризм же доказывал первичность опыта.

Что первично, что дано нам, как познающим субъектам, до опыта? Мысль, что Я есть. Рефлексия мышления о себе самом является, согласно Декарту, самым убедительным доказательством существования (*cogito ergo sum*). Это и есть первая субстанция по Декарту. «...Я – субстанция, вся сущность которой состоит в мышлении...» – пишет он. (Декарт,

1989. С. 269.) Вторая субстанция – это внешний мир, бытие во всей его целостности. Декарт много думал, чем, в самом главном пункте, различаются Мысль и Бытие, и пришел к выводу, что это отсутствие или наличие протяженности. Мысль не имеет протяженности, она бесконечна и неизмерима. Главным признаком второй субстанции является наличие измеряемых объектов. Отсюда позднейшие искажения идей Декарта французскими материалистами, которые вторую субстанцию Декарта называли «материей», подразумевая вещный мир, который можно потрогать и взвесить. Но Декарт имел в виду не это. Он читал Платона, Плотина и отнюдь не был уверен в материальной вечности второй субстанции. А вот протяженность есть, она очевидна, потому что все вещи занимают места, поэтому он так и назвал вторую субстанцию: «протяженность».

Массы, возможно, нет, а протяженность есть, потому что материя *имеет место* быть, тогда как мысль есть, *не имея места* быть. Вот такой парадокс, друг гения Декарта.

«...В истине положения *Я мыслю, следовательно, я существую* меня убеждает единственно ясное представление, что для мышления надо существовать, – пишет Декарт. – Я заключил, что можно взять за общее правило следующее: все представляемое нами вполне ясно и отчетливо, – истинно». (Декарт, 1989. С. 269.)

Сознание не исчерпывается мышлением, как считал Декарт. Не все феномены сознания можно отождествлять с

мышлением, основным признаком которого, согласно Декарту, является логос. Существуют гипнотические состояния сознания, когда мышление расщепляется. Существует т. н. «парадоксальный сон», когда объективно регистрируются ЭЭГ-паттерны бодрствования, столь же ярко выраженные ритмы и те же самые ритмы, что и во время интенсивного мышления, но о мышлении в глубоком сне говорить не приходится, а парадоксальный сон является самой глубокой фазой сна. Существует шизофреническое сознание, где тоже отсутствует Я как константа. Отсутствует Я у детей до определенного возраста, а также у многих первобытных людей. Теряется Я также в состояниях транса и экстаза, вызываемого разными причинами, включая наркотическое опьянение. «Экстаз» означает буквально «выход из себя», а «транс» – это сокращение от «трансценденция», т. е. выход в «другое» сознание. То, что Декарт провозгласил в качестве первичной очевидности, – это качество взрослого, логически мыслящего, нормального человека в состоянии бодрствования, четко осознающего свое Я.

Выходит, что начало, предложенное Декартом, – это на самом деле не начало, несмотря на его доопытную очевидность. Это достижение долгого пути развития сознания, но именно поэтому с него и следует начинать реконструкцию пути, пройденного человечеством к самому себе, к своему Я, к обретению логического мышления. Об этом пишет сам Декарт:

«Подобно тому как плоды собирают не с корней и не со ствола дерева, а только с концов его ветвей, так и особая полезность философии зависит от тех ее частей, которые могут быть изучены только под конец». (Декарт, 1989. С. 309.) В его времена вся наука называлась философией.

Далее позволю себе автоцитату из книги о происхождении человека.

«Самое очевидное различие между религией и наукой в методах познания заключается в следующем: *религия всегда начинается с начала, наука начинается с конца*. «В начале было Слово», – говорит религия, и далее следует цепь непроверяемых утверждений. В них можно верить, но проверить нельзя. Наука начинается с конца, т. е. с очевидного, с актуального и идет в глубь времен, разматывая клубок».

Данное различие было впервые сформулировано мной 8 лет назад (Тен, 2011. С. 36), но до сих пор не потеряло актуальности ввиду продолжающихся попыток представить наукой теорию, начавшую с того, что обезьяна была назначена предком человека, тогда как начинать поиск наших предков следует с анализа человеческого организма. С самого себя, как конца эволюции, сущего на настоящий момент. Привязывать человеческий организм к ландшафту зарождения, а потом восстанавливать ход эволюции. Это и есть начало антропологии как науки: с конца. Ход эволюции восстанавливается, начиная с его результата. Это общий путь всех подлинных наук.

К «соотношению неопределенностей» физики пришли, начав с соотношения определенностей: с того, что Архимед опустил скрупулезно измеренный кусок металла в чашку с водой и столь же дотошно измерил количество вытесненной жидкости. Так появился первый физический закон – закон Архимеда. Физика началась с космической золы, с того, что уже давным-давно прогорело и является результатом эволюции звезд. Химия тоже началась с исследования космической золы (металлов) алхимиками и дошла до органических молекул, которых нет в золе звезд. Геология началась с принципа актуализма, сформулированного Ч. Лайэллем («настоящее есть ключ к прошедшему»). Эволюционная биология началась с восстановления предковых видов современных животных, исходя из морфологии последних.

Эволюционная антропология как наука появилась в 2005 г. в виде инверсионной теории антропогенеза (В. Тен, 2005, 2011, 2013). Она, как и положено науке, начала с конца: с современного человека, с его анатомо-физиологических особенностей.

А с чего должна начинаться эволюционная психология? Разумеется, тоже с конца, а не с начала, и *таким концом является выявленная Декартом очевидность Я*. Теория психогенеза должна начинаться с этого конечного результата развития психики, которого у наших животных предков не было, точно так же как теорию морфогенеза человека мы начинаем с очевидного: с тела современного человека.

Зарождение психологии как науки

Лейбниц, опираясь на Декарта, ввел понятие о мышлении как об интеграле, а не простой арифметической сумме, которая характеризует протяженность. Лейбниц исходил при этом из противоположности протяженности и мышления: если к протяженности применимо суммирование, то к мышлению – нет.

Лейбница часто причисляют к критикам Декарта, тогда как он на самом деле развивал картезианство. Впрочем, элемент критики тоже имел место быть: Лейбниц, в отличие от Декарта, признавал немыслимое (то, что Фрейд потом включил в понятие о подкорковых явлениях) в сфере психического, т. е. в его теории уже наметился отход от субстанциальности мышления, переход к более широкому понятию «сознание».

Впоследствии, еще нерелективно, вместо декартова «мышления» в трудах ученых и философов стало фигурировать «сознание», по крайней мере по смыслу. Вместо «протяженности», как уже отмечено, с подачи французских материалистов стала фигурировать «материя».

«Декартова пропасть» между сознанием и материей является началом разделения наук на гуманитарные и естественные с их собственной вторичной «пропастью». В эту пропасть, штурмуемую с обеих сторон, ссыпалось великое мно-

жество теорий. С одной стороны, естественники-материалисты пытались очень просто объяснить сознание своими методами, вплоть до движения частиц. С другой стороны, идеалисты пытались не менее просто объяснить материю, исходя из Я. (Чего стоят одни «Картезианские размышления» Э. Гуссерля, которые смело можно называть «Антикартезианскими размышлениями», учитывая старания, приложенные основателем феноменологии к тому, чтобы затушевать «пропасть Декарта».)

С подачи Декарта предметом новой, нецерковной науки о психике, вместо таких понятий как дух и душа, стало сознание, а основным методом исследования его – интроспекция. Это «внутри-себя-копание» или «внутри-себя-смотрение»; исследование «в-себе-бытия» сознания самим сознанием. Этот, с позволения сказать, «метод», впоследствии получивший название «субъективного метода» (ибо о какой объективности можно здесь говорить?), надолго стал единственным методом нарождающейся психологии.

С началом эпохи Просвещения началось повальное увлечение образованных людей анатомией. Появилось понятие «анатомический театр», кощунственное в своей основе. Художники писали картины на тему «расчлененки» (пример: шедевр Рембрандта «Урок анатомии доктора Тюльпа»). Воровство свежих трупов с кладбищ приняло характер одновременно общественного бедствия и бизнеса. Светские люди приглашали друг друга на сеансы расчленения, как на чаш-

ку чая или кофе, и кромсали трупы, попивая чай и кофе с «конфетками». Домашний анатомический театр считался таким же элементом престижа, как раззолоченный экипаж или немыслимой высоты прическа. Шатобриан, живший в Париже на улице, ведущей к кладбищу, не мог спать по ночам. Всю ночь напролет под его окнами гремели по булыжной мостовой повозки с выкогтенными из земли трупами. Днем на кладбище везли умерших, подсчитывая затраты на похороны, ночью обратно везли свежие трупы, подсчитывая прибыли от реализации в анатомические театры. Европа уже тогда начала потихоньку сходить с ума на почве бездушного умствования и бизнеса, потерявшего совесть. Трудно представить себе подобное поведение православных людей или мусульман как массовое явление.

Успехи анатомии позволили конкретизировать предмет еще не рожденной науки психологии, вследствие чего психофизическая проблема была заменена психофизиологической.

«Декартова пропасть» как проблема «сознание/бытие» осталась философии. Предметом новой науки становилась дихотомия «сознание/тело человека», или, точнее, «сознание/сома». Последнее позволяет учитывать функцию, т. е. не только анатомический, но и физиологический аспект. Это особенно важно, ибо внимание исследователей сфокусировалось на физиологическом обеспечении актов сознания. Начало развиваться учение о рефлексах (впервые это сло-

во употребил Декарт), стали появляться программы построения психологии как опытной науки. При этом интроспекция долго еще оставалась единственным методом. Ученые делали те или иные выводы, испытывая и изучая самих себя, опираясь на акты собственного сознания.

Страной, где подобные исследования получили максимальное распространение, стала Германия, а апологетом интроспекции стал профессор В. Вундт, создавший огромную школу, которая рассыпалась еще при его жизни, потому что наука на базе интроспекции невозможна. У каждого исследователя и каждого испытуемого – свое Я, которое вмещается в процесс интроспекции, так что получается картина личных мнений, а не объективных фактов. Тогда впервые на повестку дня встала проблема объективного метода в изучении феноменов сознания.

Постановка проблемы объективного метода является началом *науки* психологии. Несмотря на то что автором понятия о рефлексе является Декарт, говорить в его время о психологии как отдельной науке не приходилось. Сердцевиной науки является ее методология, ибо – если подходить строго – все науки изучают один предмет: Универсум. Различия касаются только метода.

В современной теории науки принято считать, что началом ее является формирование собственного категориального аппарата. На мой взгляд, это заблуждение. Категориальный аппарат – критерий скорее количественный, чем ка-

чественный. Например, в современной физике он настолько отличен от времен Ньютона, что два физика, оперирующие категориями разных времен, не поймут друг друга. Зато категориальный аппарат квантовой физики, неприменимый к физике твердого тела, адекватно характеризует явления сознания (Эдди, Н. Бехтерева, Пенроуз, Картрайт, Шимони, Каку и др.), – поговорим об этом ниже. При этом мы знаем: замены и нововведения совершаются постепенно. Еще показательней ситуация в философии. Каждый сколько-нибудь значимый философ создает собственный категориальный аппарат. Философ, оперирующий категориями Гегеля, отрицает категориальный аппарат Канта, а кантианец не воспринимает категориальный аппарат Гуссерля.

От интроспекции к бунту против сознания

Школа Вундта дала весьма значимый отрицательный результат. В 70-х годах XIX в. психология стала претендовать на звание самостоятельной науки, вооруженной объективным методом, благодаря системному учению о рефлексах, которое начал разрабатывать И. Сеченов.

Для того чтобы узнать, что представляет собой то или иное явление, надо узнать, как оно возникло. И. Сеченов первым поставил вопрос о сознании в таком разрезе. Он поставил задачу создания новой психологии как науки, основанной на объективном методе, «родной сестры физиологии».

«Все акты сознательной и бессознательной жизни по способу происхождения суть рефлексы», – считал он. Сеченов выдвинул интересную идею об акте сознания как о «незавершенном рефлексе», то есть не доведенном до физического действия ответе организма на внешний стимул.

Сравнивая реакции детей, животных и взрослых разумных людей на раздражения, например боль, Сеченов пришел к выводу о наличии в мозге механизма задерживания рефлексов, которые так и назвал «задерживателями». «Итак, рядом с тем, как человек, путем часто повторяющихся ассоциированных рефлексов, выучивается группировать свои

движения, он приобретает (и тем же путем рефлексов) и способность задерживать их, – пишет он. – Теперь я и покажу читателю первый и главнейший из результатов, к которому приводит человека искусство задерживать конечный член рефлекса. Этот *результат резюмируется* уменьением мыслить, думать, рассуждать. Что такое в самом деле акт размышления? Это есть ряд связанных между собою представлений, понятий, существующий в данное время в сознании и не выражающийся никакими вытекающими из этих психических актов внешними действиями. Психический же акт, как читатель уже знает, не может явиться в сознании без внешнего чувственного возбуждения. Стало быть, и мысль подчиняется этому закону. А потому в мысли есть начало рефлекса, продолжение его, и только нет, по-видимому, конца – движения. *Мысль есть первые две трети психического рефлекса»* (Сеченов, 1866. Гл. 2, п. 12).

Конец XIX в. стал временем борьбы между сторонниками интроспекционизма и сторонниками объективного метода, под которым тогда понималась только рефлексология, потому что ни МРТ, ни ПЭТ, ни даже ЭЭГ не существовало. В бурной полемике становилась на ноги экспериментальная психология, объявившая интроспекционизм лженаукой. Были сделаны интересные открытия о восприятии, о рефлексорной дуге, но все это ни на йоту не приблизило к решению вопроса: что есть сознание и как оно возникло.

Кстати, в то же время «декартова пропасть» была пере-

осмыслена в качестве Основного вопроса философии, который я назвал бы просто Основным вопросом. Ибо речь, в самом деле, идет об основном вопросе познания, основном вопросе бытия, основном вопросе загробной жизни, если она существует, основном вопросе всего. Должно быть понятно, почему это основной вопрос познания и жизни. Мы строим свою жизнь, например отношение к религии, в зависимости от того, как решаем этот вопрос для себя. Когда мы предчувствуем завершение жизненного пути, он актуализируется еще резче: есть ли у нас шанс сохранить свое Я вне разложившейся материи или нет? Все об этом задумываются, включая убежденных материалистов-атеистов.

Именно В. Ленин в работе «Материализм и эмпириокритицизм» (1909) сформулировал Основной вопрос как «вопрос об отношении сознания к бытию». Таким образом, он переформулировал Основной вопрос, который впервые был озвучен Энгельсом в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» еще по-декартовски, как «отношение мышления к бытию» (1886). Ленин, как часто бывает, просто подвел итог, четко сформулировал то, что уже давно ходило по книгам: не мышление, а сознание.

Вопрос об отношении сознания к бытию – это не только философский вопрос. Это основной вопрос современной физики, не нашедшей в основании материи ничего, что можно измерить. Это Основной вопрос антропологии, потому что человек – это его Я. Все прочие проблемы антропогенеза

имеют смысл как приближение к решению вопроса: как появилось сознание? Это, разумеется, Основной вопрос психологии, которая в самом общем виде является наукой о сознании и просто обязана решать вопрос, как оно возникло и что это такое в отношении к бытию.

Сознание, считал Сеченов и его последователи, вполне поддается изучению объективными лабораторными методами. Именно «фактор объективности» способствовал настоящему буму исследований на этом направлении, благодаря которому в предреволюционные годы в Петербурге сформировалось несколько уникальных школ по изучению высшей нервной деятельности: А. И. Введенского (тормозные реакции и парабриоз); А. А. Ухтомского – автора великолепной теории доминанты; физиологическая школа И. П. Павлова; нейрофизиологическая школа В. М. Бехтерева. В Англии появилась школа Ч. Шеррингтона, который подробно исследовал рефлекторную дугу, ввел понятие о синаптической связи в передаче, а также сформулировал общее понятие о торможении.

Научная биография В. Бехтерева четко делится на два периода. В молодости он придавал значение методам интроспекции, даже работал совместно с Вундтом в Германии в конце XIX в. У многих молодых психологов был тогда идефикс: преодолеть субъективизм методов психологии, сделать эту науку наукой. Каким образом? Разумеется, путем соединения с наукой о рефлексах. Это оказалось невозмож-

но, потому что сознание субъективно по определению. После возвращения из Германии, заняв кафедру в Казанском университете, В. Бехтерев уже не имел иллюзий. В книге «Объективная психология», которую он опубликовал после переезда в Петербург, прямо говорится: «...В объективной психологии... не должно быть места вопросам о процессах сознания» (Бехтерев, 1991. С. 3). Буквально это означало, что изучение рефлексов животных и человека в принципе не может дать ответ на вопрос о происхождении сознания и объяснить его тайну. Этот вывод он сделал первым в мире.

С другой стороны Атлантики против изучения сознания объективными методами рефлексологии выступил Вильям Джемс. У него была своя логика. Сознание – это непрерывный процесс, в котором нет никаких «остановок», – вот коренная идея Джемса. Он ввел в обиход понятие «поток сознания», ставшее культовым для целого поколения гениев, определивших культурное содержание эпохи (М. Пруст, Д. Джойс, В. Кандинский и др.). Отрицание дискретности сознания лежит в основе всего модернистского искусства первой половины XX в.

Над сознанием экспериментировать бесполезно, ибо оно имеет только «транзитивные» (переходные) состояния. Субстантивов (этапно завершенных, сведостаточных статичных состояний) в сознании нет, считал Джемс. Экспериментировать над ним – все равно что резать ножницами текучую воду.

Джемс объявил всю экспериментальную психологию, имеющую предметом сознание, лженаукой. Вспомним, что еще недавно экспериментальная психология, именуя себя «объективной наукой», объявила лженаукой субъективную психологию интроспекционизма.

Джемс является теоретическим предтечей бихевиоризма, т. е. «поведенческого подхода» к решению проблемы происхождения сознания (от behavior). Другим теоретическим предтечей, как признают сами бихевиористы, была рефлексология Сеченова.

Необходимое пояснение: термин «рефлексология» имеет два значения. Во-первых, это наука на грани биологии, антропологии и психологии. Во-вторых, это идеология, на которой зиждется бихевиоризм и все другие ступуляционные теории происхождения сознания, которые утверждают, будто сознание возникло благодаря пошаговому усложнению рефлексов. И. П. Павлов и В. М. Бехтерев, внесшие максимальный вклад в разработку системного учения о рефлексах, являлись рефлексологами в первом, научном смысле и не являлись рефлексологами в идеологическом смысле. Наоборот, оба не только отрещивались от этой идеологии, но и критиковали ее при каждом удобном случае. Павлов штрафовал сотрудников за выражения типа «собака подумала». Бехтерев первым в мире поставил когнитивный запрет на попытки вывести сознание из рефлексов. Бихевиористы, наоборот, являлись и являются рефлексологами во втором

смысле.

Практические начала бихевиоризма сформулировал Д. Уотсон, он же ввел этот термин. Его лекция «Психология с точки зрения бихевиориста», прочитанная в 1913 г., считается манифестом бихевиоризма как чисто естественной науки, по сути дела зоологии, предъявившей полные и исключительные права на человека.

Идефикс бихевиористов следующий: человеческая психика сформировалась благодаря постепенному усложнению поведения животных. Люди – это, в сущности, обезьяны. Различия в мышлении имеют не качественный, а количественный характер. Надо изучать поведение, есть только поведение; поведение – это все, а сознание – это лжепроблема.

Если первоначальная психология являлась философской наукой, которую потом делали физиологи-рефлексологи, то теперь наступила очередь зоологов. Произведенная подмена сознания поведением получила громкое название «бихевиористский бунт против сознания».

После этого «мозгового штурма» психология в США поменяла свой предмет (я бы сказал: изменила ему). Перейдя от изучения сознания к исследованию поведения, она «пошла по рукам» чужих специалистов – зоологов, которые почему-то называли себя психологами.

Сам Джемс, выговорившись очень эмоционально, бросил заниматься психологией и целиком переключился на философскую проблематику. Это произошло не только потому,

что психология ему надоела. Он, гуманный чистой воды, не мог конкурировать с зоологами в исследовании поведения животных, а без этого уже никак нельзя было обойтись, ибо психология стала сравнительной наукой «из мира животных», не имеющей предмета в себе самой. Своими идеями Джемс изгнал из психологии самого себя.

Зоологи, ставшие психологами, тут же начали проповедовать антропоморфизм, начиная чуть ли не с амебы. Усмотрев в каком-нибудь виде сложные адаптации, определяемые рефлексами, выработанными по ходу эволюции, они тут же объявляли это проявлениями разума. С легкой руки бихевиористов, мышления «стало слишком много», оно «нашлось» даже там, где его нет и не может быть. Вообразив себя Богом, американская наука наделила разумом всех бессловесных тварей. Что касается истока мышления, то за сто лет бихевиористы ничего открыть не смогли, поскольку игнорировали «декартову пропасть», а именно проблему «Я и Мир». Они искали исток мышления, не задумываясь над вопросом, как зародилось самосознание. Может ли быть что-то, более бесперспективное?

Таким образом, в первой половине XX в. эволюционная психология переключилась на животных, потому что их поведение представляло как отдельные акты, определяемые мотивами адаптации. Мотивы легко поддавались фиксации и интерпретации. Физиологический механизм был понятен благодаря формуле «стимул – реакция». Казалось, что оста-

ется только все это изучить и спроецировать на человека.

«Паскудный» бихевиоризм

Первым бихевиористические эксперименты с животными организовал в США Э. Торндайк. Он создавал различным животным проблемы и наблюдал, как они ищут выходы из создавшейся ситуации. Его вывод был однозначен: действия животных – это пробы и ошибки до тех пор, пока методом «тыка» животное не найдет выход. Присутствует запоминание, в следующий раз животное находит выход уже быстрее. Но это все – инстинкт и рефлекс, не являющиеся разумным поведением. И. П. Павлов, который в своих экспериментах дошел до формирования у животных рефлексов седьмой степени сложности, как известно, пришел к тому же выводу. Набивать мозг животного все более и более сложными рефлексами и думать, будто от этого у него появится разум, – это все равно что набивать его желудок рационом летчика в надежде, что оно начнет летать. Рефлексологию как идеологию, а также бихевиоризм, ученый-рефлексолог Павлов считал глупостью и абсурдом.

Опубликовав книгу «Интеллект животных», которую высоко оценил Павлов, Торндайк бросил животных, не видя в их изучении перспективы выхода на человеческий интеллект, и занялся людьми. Здесь значимых для нашего предмета успехов он не достиг, ибо бихевиористический подход к людям в принципе не может дать значимого результата.

Большим шумом сопровождалась эксперименты В. Кёлера с человекообразными обезьянами на о. Тенерифе. Кёлер, будучи родом из Российской империи, по загадочной причине оказался на Канарах в 1913 г. Согласно туманным сведениям, он был интернирован на островах как русский подданный, оказавшийся на территории Германии в предвоенный год. Согласно другим сведениям, он работал на немецкую разведку. По счастливому случаю, на Тенерифе находилась биостанция по изучению антропоидов Прусской Академии наук. Любознательный Кёлер добился доступа к обезьянам и начал экспериментировать.

Одновременно эксперименты с обезьянами проводил в Америке Р. Йеркс.

Публикации В. Кёлера об опытах с шимпанзе и гориллами вызвали в двадцатых годах XX в. сенсацию в мире науки и в обществе. Они вроде бы доказывали, что обезьяны имеют мышление. Кёлер ставил перед обезьянами задачи, решение которых давало возможность получить еду. Обезьяна могла делать множество попыток, и у нее ничего не получалось. Она начинала нервничать, и тогда вообще все валилось из рук. Некоторые шимпанзе бросали в конце концов бесполезное занятие и переключались на что-то другое. После этого некоторые обезьяны возвращались к предмету испытания – и, случалось, сразу достигали успеха. Вывод Кёлера: обезьяна на досуге думала, как решить задачу, и придумала. У нее случился инсайт, т. е. озарение, как это бывает у человека!

И. П. Павлов оценил выводы, сделанные В. Кёлером, чрезвычайно низко. «Этот Кёлер, по-моему, ничего не увидел в том, что действительно показали ему обезьяны, – сердито сказал он на одной из своих «сред». – Я это должен сказать, не утрируя: действительно ничего не увидел». И далее: «... Стремление сделать психологическое отличие обезьяны от собаки по ассоциативному процессу есть скрытое желание психологов уйти от ясного решения вопроса, сделать его таинственным, особенным. В этом вредном, я бы сказал, паскудном стремлении уйти от истины психологи типа Йеркс или Кёлер пользуются такими пустыми представлениями, как, например, обезьяна отошла, «подумала на свободе» по-человечески и «решила это дело». Конечно, это дребедень, ребяческий выход, недостойный выход. Мы очень хорошо знаем, что сплошь и рядом собака какую-то задачу решает и не может решить, а стоит ей дать отдых, тогда она решает. Что она в это время, подумала, что ли? Нет, просто в связи с утомлением появлялось на сцену торможение, а торможение смазывает, затрудняет и уничтожает. Это самая обыкновенная вещь».

Подобную реакцию у серьезного ученого может вызвать только скоропалительное, дилетантское вмешательство в дело, которому он посвятил многие годы. «Это ассоциативный процесс и затем процесс анализа при помощи анализаторов, при вмешательстве тормозного процесса, чтобы дифференцировать то, что не соответствует условиям, – счи-

тал Павлов. – Ничего большего на всем протяжении опыта мы не видали. Следовательно, нельзя сказать, что у обезьян имеется какая-то «интеллигентность», видите ли, приближающая обезьян к человеку, а у собак ее нет, а собаки представляют только ассоциативный процесс. Я против некоторых психологов опять имею сердце» (Павлов, 2001. С. 366, 368, 370). Всю академическую критику, выразительную по-русски, к сожалению, невозможно воспроизвести.

Л. Выготский, основываясь на опытах Кёлера, пришёл к следующим умозаключениям, категоричность которых не может не удивлять, учитывая полное отсутствие собственного опыта работы с животными:

«1. Мышление и речь имеют различные генетические корни.

2. Развитие мышления и речи идет по различным линиям и независимо друг от друга.

3. Отношение между мышлением и речью не является сколько-нибудь постоянной величиной на всем протяжении филогенетического развития.

4. Антропоиды обнаруживают человекоподобный интеллект в одних отношениях и человекоподобную речь – совершенно в других.

5. Антропоиды не обнаруживают характерного для человека отношения – тесной связи между мышлением и речью. Одно и то же не является сколько-нибудь связанным у шимпанзе.

6. В онтогенезе мышления и речи мы можем с несомненностью констатировать доречевую фазу в развитии интеллекта и доинтеллектуальную в развитии речи» (Выготский, 1982. Т. 2, С. 102).

В. Кёлер получил выговор от Павлова за одно допущение, будто «обезьяна подумала и решила». Наличие речи у шимпанзе Кёлер не признавал. Выготскому эта недоработка не понравилась: «Кёлер пишет о шимпанзе, которых он наблюдал в течение многих лет на антропоидной станции на о. Тенерифе: «Их фонетические проявления без всякого исключения выражают только их стремления и субъективные состояния; следовательно, это – эмоциональные выражения, но никогда не знак чего-то «объективного» (там же. С. 92).

«Фонетические проявления, выражающие эмоции», – не более. Собственно говоря, как у курицы или собаки. Выготскому показалось, что «маловато будет», и он хвалит более смелого Йеркса. «Его исследования интеллекта оранга привели его в общем к результатам, очень сходным с данными Кёлера, – пишет Выготский. – В толковании этих результатов он, однако, пошел гораздо дальше Кёлера. Он принимает, что у оранга можно констатировать «высшую идеацию», правда, не превосходящую мышления трехлетнего ребенка» (там же. С. 94).

Однако, пойдя в своих выводах относительно «высшей идеации» у обезьян дальше Кёлера, который писал только об инсайте, Йеркс видит «отсутствие человекоподобного языка

у шимпанзе».

«Трехлетний интеллект», запущенный Йерксом, до сих пор заменяет «Отче наш» для всех антропологов-обезьянщиков. Более ста лет не могут эти бедолаги дорасти до 4-летнего интеллекта, но продолжают талдычить с рефлексорным упорством: «У обезьян! Есть! Трехлетний! Интеллект!» – считая свой собственный условный рефлекс доказательством происхождения человека от обезьяны.

Л. Выготский совершает невероятный интеллектуальный кульбит: он делает *присутствие из отсутствия*. У обезьян есть мышление, но речь отсутствует. Следовательно, мышление и речь имеют разные генетические корни и развиваются независимо в филогенезе. «...Мышление и речь имеют генетически совершенно различные корни. Этот факт можно считать прочно установленным целым рядом исследований в области психологии животных» (там же. С. 89). Вывод категоричен настолько, насколько нелеп и скоропалителен.

Если речи у обезьян нет, как Лев Семенович до её корней докопался?! Чем и за что он это *отсутствие* так ловко ухватил, что выволок на свет божий *евонный* корень?

Кем установлен данный факт, возникает следующий вопрос. Кроме Кёлера и Йеркса Выготский ни на кого не ссылается, а они отрицали наличие человекоподобной речи у обезьян. Умопомрачительное мышление. А Выготского уже ничто не сдерживает, как шизофреника с навязчивой идеей.

«Мы находим у шимпанзе, как показывают новые иссле-

дования, – пишет он от себя, – относительно высоко развитую «речь», в некоторых отношениях (раньше всего в фонетическом) и до некоторой степени человекоподобную. И самым замечательным является то, что речь шимпанзе и его интеллект функционируют независимо друг от друга» (там же. С. 92). Замечательно было бы узнать: кто такие эти «Мы»?

«Я» у «Моцарта советской психологии» волшебным образом превратилось в «Мы». «Чем дальше, тем страньше», – сказала бы Алиса, попав в страну чудес Выготского. Кёлер и Йеркс пишут об отсутствии человекоподобной речи у обезьян, а Мы, Лев Выготский, ее находим, не поговорив в жизни ни с одной обезьяной, но ссылаясь на Кёлера и Йеркса: бред какой-то.

В вопросе о филогенезе сознания Выготский – типичный бихевиорист и идейный рефлексолог, хотя рефлексологией как наукой никогда не занимался. Выготский находит у обезьян человекоподобную речь, потому что у них есть мышление, а раз есть мышление, значит, *не может не быть* речи. Потом он разделяет мышление и речь, утверждая, что они имеют совершенно различные генетические корни. Невероятный логический кульбит.

Если мышление и речь имеют совершенно разные генетические корни, как можно утверждать наличие речи, основываясь на том, что у обезьян есть мышление? Это не наука, это плохо управляемая шизофрения.

Необходимо пояснить столь разительное несходство оценок экспериментов Кёлера и Йеркса: «паскудная дребедень» по Павлову и доказательство «высшей идеации» и «человекоподобной речи» у обезьян по Выготскому.

Петербург в то время являлся признанной столицей мировой психологической науки. Здесь творили два принцепса психологии: Павлов и Бехтерев, каждый при собственном институте. В университете работали Введенский и Ухтомский. На Западе, как это стало ясно спустя век, были только две равновеликие фигуры: Ч. Шеррингтон в Англии и Э. Кречмер в Германии, но оба в начале 20-х годов еще не имели такого научного веса, как Павлов и Бехтерев. Великий Фрейд с учениками, среди которых были Юнг и Адлер, проходили еще по разряду широко известных маргиналов (например, В. Набоков, живший тогда в Париже, называл Фрейда не иначе как «венский шарлатан»).

Достаточно почитать труды психологов 10–30-х годов (например, Кречмера и Шеррингтона), чтобы сделать вывод о научном весе Павлова и Бехтерева в те годы на Западе. Их считали главными творцами научной рефлексологии, каковыми они и являются в действительности. Сейчас их упоминают гораздо реже, но это тоже не что иное, как гнилая идеология. Сейчас на Западе даже Менделеева не упоминают как автора Периодической системы элементов.

Благодаря мировому авторитету Павлов и Бехтерев могли выносить приговоры даже членам Политбюро. Страной то-

гда правил триумвират в составе Зиновьева, Каменева, Сталина. Первым считался Зиновьев. Каменев, который председательствовал на заседаниях тройки, был его верным вассалом. Зиновьев первенствовал благодаря тесной дружбе с Лениным, которой не мог похвастаться Сталин. Именно Зиновьев делил с Вождем одно соломенное ложе в шалаше в Разливе.

Он решил укрепить свой авторитет званием академика. Академия базировалась тогда в Петербурге-Ленинграде. Холуй триумвира в высоких чинах доставили его заявление о вступлении и труды в виде брошюр известного всей стране содержания. Отказа, разумеется, никто не ожидал. Павлов на глазах у комчиновников полистал труды, швырнул их на пол и спросил: «Что еще написал этот недоучка?» Академию наук перевели в Москву, присоединили к Комакадемии и по-принимали всех недоучек.

Бехтерев был приглашен для врачебного осмотра Сталина, у которого неожиданно начала сохнуть рука. Московские врачи, не найдя соматических причин, посоветовали пригласить его как лучшего в мире специалиста по неврологии. Неизвестно, какой диагноз поставил Владимир Михайлович Иосифу Виссарионовичу, только он неожиданно умер сразу после возвращения в Ленинград, хотя был совершенно здоров и собирался ехать с докладом на конференцию за границу.

В Петербурге в 20-е годы выносились приговоры, к кото-

рым прислушивался весь мир. Американские бихевиористы со всей их нахрапистостью и изобретательностью по сравнению с русскими и европейскими школами выглядели как явление ювенильное.

Подобное зародилось и в Москве. Группа молодых энтузиастов, не утомленных серьезными учениями, задалась целью создать новую, марксистскую психологию. Признанным главой новой школы являлся Л. Выготский. «Старую психологию» они считали балластом, который заслуживает только одного: быть сброшенным с корабля современности.

Отношение к петербургским корифеям в мире прекрасно иллюстрируют мемуары советского посла в Англии А. М. Майского.

«В июле 1935 г. Лондон посетил знаменитый ученый Иван Петрович Павлов. На втором Международном неврологическом конгрессе он прочитал доклад о типах высшей нервной деятельности в связи с неврозами и психозами, который вызвал тогда большие отклики в научных кругах различных стран. Приезд Павлова стал настоящей сенсацией не только для конгресса, но и для печати и общественности. Корреспонденты встретили Ивана Петровича уже в Дувре и по дороге в Лондон в поезде подвергли великого ученого самому подробному журналистскому «допросу». На вокзале Виктория в Лондоне Павлова опять ожидали пресса, фотографы, представители советской колонии, друзья и знакомые. Он был несколько утомлен с дороги, с какой-то очарователь-

ной беспомощностью отбивался от наседавших на него журналистов, и мне в конце концов пришлось прийти ему на помощь, поспешно усадив его в ожидавший нас посольский автомобиль. Когда мы были уже вне вокзала, Иван Петрович весело рассмеялся и воскликнул:

– Ну, вот теперь я спасен! Можно немножко вздохнуть и отдышаться.

На следующий день после приезда Иван Петрович дал интервью лондонской прессе. В большом зале посольства собрались английские журналисты». (Майский, 1980. С. 194.)

Есть ли в современной России хоть один ученый, чей визит в Лондон вызвал бы сенсацию, чтоб туземцы вот так забегали? Последним великим ученым России, к которому приставали иностранные журналисты, правда, не столь массово, была Наталья Петровна Бехтерева.

Гомельский гений был выше лондонского истеблишмента. Павлов был ему неинтересен, не менее знаменитый Бехтерев тоже. Выготский не удосужился ни разу встретиться ни с одним, ни с другим. Игнорируя всю предшествующую науку, он с чистого листа создавал «единственно научную марксистскую психологию». Бихевиористические «открытия» Кёлера и Йеркса были ему как нельзя кстати, потому что подтверждали теорию Энгельса, согласно которой труд сделал из обезьяны человека. Обезьяна подумала, потрудилась (подтащила ящик под висевший банан) и достала еду.

Разумеется, его безумный вывод о разобщенности мышления и речи в филогенезе в XX в. никем не был поддержан: шизофренией в такой степени не страдал в мире никто среди ученых. Других бихевиористов можно обвинять в чем угодно, более всего в плоском недомыслии, но не в безумии. Разумеется, мышление и речь развиваются в филогенезе не параллельно и независимо, а сочетанно настолько, что представляют собой, по сути дела, один феномен «мышление-речь». По развитию зон речи на эндокранах гоминин судят о наличии мышления. Однако в последнее время о Выготском вспомнили в связи с проблемой происхождения языка. Не сумев вывести язык из мышления обезьян, западные ученые начали развивать теории возникновения языка в отрыве от мышления (Пинкер, Дикон и др.), а наши поплелись за ними. Но это тема другой книги.

Ниже я объясню, зачем Выготскому понадобилось выдвигать эту бредовую идею. Это бред с развитием, как у взятого шизофреника, оторванный от действительности, как положено перерастающий в систему теоретических симулякров.

После павловского приговора Кёлер и Йеркс, не стовариваясь, бросили обезьяньи эксперименты. Боком-боком – и в бамбук. Стушевались. Это сам по себе разоблачительный факт. Если б они, в самом деле, открыли в обезьянах то, что написали, разве они оставили бы столь важное дело? Скорее всего, они просто не могли ничего показать другим, опыт-

ным психологам, а после критики Павлова такое требование возникло бы непременно. Мол, написать-то вы написали, бумага терпит, но покажите своих разумных обезьян, докажите, что Павлов зря обругал вас паскудниками. Йеркс вообще ушел из науки, вернее, перешел на ниву организаторской работы. Кёлер от примитивного бихевиоризма перешел к гештальт-психологии, которая ближе к философии и даже к богоискательству, чем к зоопсихологии. Он обосновывал идею изоморфизма физических процессов и процессов сознания, которую в современности подхватили квантовые физики, обнаружившие изоморфизм загадочных явлений микромира, типа квантовой нелокальности и суперпозиций, в сознании человека. Какие уж тут обезьяны...

Существуют большие сомнения в научной честности Йеркса. Он считается соавтором т. н. «закона Йеркса – Додсона», выданного в 1908 г. Это закон об оптимуме мотивации. Если мотивация слишком высока, то вступает в силу торможение, отрицательно сказывающееся на эффективности действия. Если хочешь чего-то добиться, не стремись к этому со «звериным рвением», иначе сам себе все испортишь. Пример из жизни: некоторые юноши оказываются бессильными, добившись от девушки согласия, потому что слишком сильно желают. Опытные женщины знают данное явление «по жизни» и умеют вывести начинающего юношу из затруднительной ситуации. А вот если конфуз случается в контакте с неопытной девушкой, это может стать психиче-

ской травмой, способной сломать всю жизнь молодого человека или направить на неверный путь. Из таких неудачников по недоразумению часто получаются маньяки.

Но это явление – торможение при слишком сильной мотивации – открыл и обосновал Введенский еще в 1901 г., назвав его парабиозом!

Павлов подтвердил его на животных. Именно на этом зиждется его критика Кёлера: обезьяна слишком хотела, проявляла звериное рвение, это вызвало торможение, наступил парабиоз. Потом, успокоившись, обезьяна возвращается к решению задачи уже без излишнего рвения – и у нее все получается.

Это открытие – целиком и полностью заслуга русских ученых, а не Йеркса и Додсона.

После массированного штурма, к концу XX в. на Западе в целом наступило разочарование в бихевиоризме. «Лжепроблема сознания» возвращена в когнитивную науку. Происхождение Я признано проблемой, от которой не уйти. Зато у нас, как всегда с опозданием, появилась целая плеяда бихевиористов (Вишняцкий, А. Марков, Дробышевский, Дольник, Бурлак, Барулин и др.).

Психология не смогла уйти от человека и проблемы сознания. Она перетекла в другие сферы познания: литературу и искусство, которые – видимо, в качестве замещения – в начале XX в. определялись психологическими установками, обостренным вниманием к внутреннему миру с его во-

пьющими противоречиями и расщепленными Я. Подлинной психологией XX в. является творчество М. Пруста, А. Камю, Д. Джойса, А. Платонова и других художников слова, а не антропоморфические фантазии зоологов, вообразивших себя психологами.

«Дорожная карта» Бехтерева

В. Бехтерев, как сказано выше, тоже сделал вывод о невозможности изучения сознания объективными методами на том уровне, на котором была наука в начале XX в. Поэтому он предложил развивать отдельно объективную психологию и психологию сознания, пока не появится возможность для синтеза. Но он не был столь недалек, как бихевиористы, чтобы объявить сознание лжепроблемой и на этом успокоиться, как Лиса, не сумевшая достать виноград. Ход его мыслей был гениально прост и мог бы привести к великим открытиям, если б не преждевременная смерть великого ученого и человека.

Владимир Михайлович рассуждал так: сознание субъективно, но почему надо ограничивать психологию только кругом вопросов, связанных с действующим сознанием? *Существует неконтролируемая сознанием психика, которая может быть изучаема объективными методами.* Отсюда интерес В. Бехтерева ко всему, что было связано с бессознательными проявлениями психики, включая те, которые сейчас называют «паранормальными» явлениями, а также к явлениям неконтролируемой психики больных людей. В последние годы жизни он стал не столько психологом, сколько психиатром, занимаясь реальным лечением в своем Психоневрологическом институте, в том числе применяя гипноз.

В связи с этим Бехтерева начали обвинять в «спиритуализме». С другой стороны, его же обвиняли в «рефлексологии», т. е. в биологизме. Эти противоречивые нападки с противоположных сторон говорят о том, что он стоял на верном пути. Ниже мы поговорим о его открытиях в этой сфере.

Кстати сказать, у В. Бехтерева был предшественник. Это не кто иной, как автор теории естественного отбора Альфред Уоллес. В отличие от второго автора, Дарвина, этот гениальный человек сразу отверг возможность объяснить происхождение сознания из поведения животных и обратился к изучению паранормальных явлений. Его интересовали медиумизм, столоверчение и прочие необычные проявления психических способностей человека. Он скорее ожидал открытий здесь, чем в изучении животных с целью найти исток сознания. Разумеется, это тоже ложный путь, но важно не это, а уверенность, что на исток сознания можно выйти через неконтролируемые состояния.

В отличие от Уоллеса, Бехтерев использовал более научную базу, не связанную с медиумизмом и столоверчением: гипноз, сон, сомнамбулизм, различные расстройства психики, когда человек не контролирует себя.

Данная книга, по сути дела, представляет собой попытку реализации той «дорожной карты», которую век назад предложил В. М. Бехтерев. Сейчас, как представляется, у нас есть такая возможность благодаря ПЭТ и МРТ. Конечные выводы, как убедится читатель, будут сделаны на этой беспор-

ной научной базе.

В. Бехтерев был не одинок, приступив к научному изучению явлений неконтролируемой психики человека с целью *объективного* решения проблемы происхождения сознания. В Германии в одно время с Бехтеревым над этой темой работал Э. Кречмер.

Неконтролируемая психика – это психика, в которой отсутствует Я, а Мир не осознается как внешний. Декартовой пропасти нет, все смешано, как в тумане.

Решая проблему происхождения тела человека, т. е. проблему морфогенеза, я опирался, как на краеугольные камни, на эксклюзивные особенности нашей анатомии и физиологии. Теперь, после крайне сжатого очерка истории проблемы психогенеза по начало XX в. включительно, я должен представить краеугольные камни для строительства научной теории психогенеза Homo sapiens. Это психологические эксклюзивы, открытые в 20-х годах XX в. на том пути, который наметил В. М. Бехтерев.

Глава II

Первый краеугольный камень: партиципированное сознание первобытных людей

Партиципация и сопричастность

Написав одну из самых гениальных книг в истории, Л. Леви-Брюль остался не удовлетворенным ею до конца дней, о чем свидетельствуют его предсмертные записки. Так всегда бывает с гениями, пытавшимися выразить невыразимое. Это при том, что логичность, сила языка, доказательность может являться примером не только для всех ученых, но для всех пишущих людей. Настолько, что книгу Леви-Брюля трудно цитировать: хочется воспроизвести буквально каждый абзац.

Речь идет о книге *La Mentalité primitive*, впервые вышедшей в 1922 г. Ее название на русский язык традиционно переводят как «Первобытное мышление». Наиболее адекватный перевод будет «Примитивная психика». Во введении Леви-Брюль объясняет, что под примитивной психикой он подразумевает психику первобытных людей, уточ-

няя, что объектом его исследования являются те, кого французы называют «примитивные люди», а немцы «естественные народы» (*Naturvölker*). Примитивные не означает глупые, это означает – буквально по значению – «простые, первичные люди». Будучи в высшей степени воспитанным человеком, Леви-Брюль даже не хочет упоминать термин, который обычно использовали англосаксы, включая Дарвина, Тэйлора, Моргана и других столпов англо-американской науки: «дикари». Напомню, что русские тоже не использовали это оскорбительное обозначение, они пользовались географическим термином «туземцы».

Перевод «Первобытное мышление» не соответствует содержанию. Впервые эта знаковая ошибка была допущена в первом переводе 1930 г. и воспроизводится до сих пор во всех изданиях. Правда, в последнем издании 2002 г. книга названа «Первобытный менталитет», что ближе к оригиналу, но не совсем верно по сути (Леви-Брюль, 2002). Используя данный термин, на мой взгляд, следовало бы перевести «Первобытная ментальность». Понятие «менталитет» имеет в русском языке более узкое значение, как-то «менталитет папуасов», «менталитет индейцев прерий», «менталитет эскимосов», «менталитет тинейджеров», «менталитет холостяков» и т. д.

Ошибка существенная, ведь мышление – это только один из феноменов человеческой психики. К сожалению, это не единственная ошибка русскоязычных изданий, благодаря

которым из великой книги оказался выхолощен смысл в угоду примитивному мышлению антропологов. Вот здесь термин «примитивный» справедливо употребим.

Если антропологов кон. XIX – нач. XX в. еще можно понять, то над современными, продолжающими утверждать, будто сознание человека сформировалось «мало-помалу», «шаг за шагом» из рефлексов обезьян на базе «взрывного роста мозга», можно уже только смеяться.

Какое «мало-помалу» может быть в связи со «взрывным ростом мозга»? Противоречие не смущает?

Кто за полтора века доказал, что на базе усложнения рефлексов может возникнуть сознание? Сотни энтузиастов замучили тысячи животных. Где хоть одно доказательство? Громкие имена себе сделали, но не нашли ни одного доказательства и ни одного примера. Наоборот, великие нейрофизиологи, включая И. П. Павлова, В. М. Бехтерева, Э. Кречмера, Н. П. Бехтереву, опровергли самую такую возможность.

Наконец, кто доказал факт «взрывного роста мозга» в ходе сапиентации, учитывая, как скакал уровень цефализации от одного вида гоминин к другому, в результате чего современный человек оказался далеко не самым мозговитым? «Взрывное» падение массы мозга на переходе от палеоантропов к *Homo sapiens sapiens* налицо (примерно на четверть!), а вот взрывного роста не наблюдается.

«По мере того как исследователи обнаруживали или, вернее, изучали народности низшего типа в самых отдаленных,

а иногда совершенно противоположных точках земного шара, – пишет Леви-Брюль, – вскрывались поразительные аналогии между некоторыми из народностей, доходившие порой до полного сходства в мельчайших деталях: у разных народностей обнаруживались одни и те же институты, одни и те же магические или религиозные церемонии, одни и те же верования и обряды в отношении рождения и смерти, одни и те же мифы и т. д. Сравнительный метод, так сказать, напрашивался сам собой. Тэйлор в «Первобытной культуре» постоянно и весьма удачно применяет его. То же следует сказать о Фрэзере и его «Золотой ветви» и о других представителях школы (Гартленд и Лэнг)». Однако «применение сравнительного метода не привело их к положительной науке», пишет Леви-Брюль. (Леви-Брюль, 1999а, С. 12.) Почему? Кто читал Тэйлора и Фрэзера, не может не поражаться изобилию фактов. Неужели не хватило способности объяснить?

«Как раз объяснение и помешало ей (английской антропологии. – *В.Т.*) идти дальше, – поясняет Леви-Брюль. – Объяснение было заранее готово. Она не искала объяснения в самих фактах, а навязывала его фактам». Английских антропологов запутала «их вера в тождество человеческого духа, совершенно одинакового с логической точки зрения всегда и повсюду. Эта тождественность принимается школой как постулат или, вернее говоря, как аксиома. Данное тождество считают лишним доказывать или даже просто формулиро-

вать: это само собой разумеющийся принцип, слишком очевидный, для того чтобы останавливаться на его рассмотрении» (там же, С. 13).

Леви-Брюль приводит пример правдоподобного с логической точки зрения объяснения из книги Фрэзера. Во многих странах распространен обычай класть в рот покойника монету или кусочек золота. Фрэзер объяснил это следующим образом. Вначале клали еду, потом заменили на монеты и золото, чтобы покойник мог купить себе еду. Очень понятное читателю-буржуа объяснение. А вот в Древнем Китае клали в рот золото или нефрит, потому что это твердые вещества. Люди верили, что твердость символически перейдет на дух и он будет жить вечно (там же. С. 17).

«Здесь на сцену появлялась общая гипотеза, дорогая английской антропологической школе, – анимизм», – пишет Леви-Брюль (там же. С. 13). В самом деле, типичный анимизм: явиться на тот свет с золотом и купить у духов вечную жизнь. Леви-Брюль увидел другое: не логичные даже для современного человека товарно-денежные отношения с духами, а перенос качеств материальных предметов на духовную сферу. Налицо такое соединение двух разных сфер бытия, которое подразумевает расщепление сознания. Данное явление Леви-Брюль назвал *партиципацией* (буквально: расчастление от «парт» – часть).

На русский язык «партиципация» во всех изданиях начиная с 1930 г. переводится как «сопричастие». Выражение Ле-

ви-Брюля «партиципированная ментальность» переводится как «сопричастное мышление» с двойной ошибкой. Во-первых, ментальность шире мышления. Во-вторых, это тавтология, ибо *мышление всегда является сопричастным*. Мышление – это всегда мышление о чем-то, беспредметного мышления не бывает. При этом *логическое мышление является наиболее сопричастным*, потому что это мышление не только о вещах и событиях, но также об их природе, их причинах и следствиях. Причинное мышление – это и есть логика. Т. е. все обстоит с точностью до наоборот: это логическое мышление является предметно сопричастным; беспредметное, несопричастное мышление – это шизофренический бред обо всем сразу и ни о чем. Перевод, близкий к идиотизму, полностью исказил учение Леви-Брюля для русского читателя.

Вот что пишет Леви-Брюль о пралогической ментальности, отличая ее от логического мышления по самым важным показателям, два из которых специально называет в предисловии к русскому изданию 1930 г. (Видимо, боялся – и справедливо, – что исказят.) Первобытный человек «без всяких затруднений допускает, что одно и то же существо может одновременно пребывать в двух или нескольких местах. Оно подчинено закону партиципации (сопричастности), оно в этих случаях обнаруживает полное безразличие к противоречиям, которых не терпит наш разум. Вот почему позволительно называть это мышление, при сравнении с нашим, пра-

логическим» (Леви-Брюль, 1930. С. 8). Пояснение в скобках (сопричастности), разумеется, вlepил редактор, он же всюду понятие «ментальность» произвольно заменил на «мышление»! В оригинале никакой «сопричастности» нет.

Буквально «партиципация» на русский не переводится в связи с отсутствием слова «расчастление», поэтому важно проанализировать, какие понятия Леви-Брюль использовал для объяснения смысла, вкладываемого им в понятие «партиципация». Произведенный мной анализ оригинального текста показал, что слово «партиципация» Леви-Брюль объясняет через понятия «партикуляризация» и «партаж» (partage), имеющие прямые аналоги в русском языке («обособление» и «деление»). Отсюда следует, что партиципация означает именно расчастление, расщепление (Леви-Брюль, 1922). С точки зрения логики это диссоциированное, шизофреническое мышление, которое религиозностью, даже первичной, в виде анимизма, не объяснить. Даже если считать религиозное мышление косным и недоразвитым, что, как минимум, спорно, то это все равно мышление людей, знакомых с логикой. Анимизм сохраняется во всех религиях, даже в единобожных, в качестве веры в Святого Духа.

Ошибка перевода, безусловно, сказалась на общем восприятии теории Леви-Брюля, которая стала выглядеть как беспредметное нагромождение фактов. Реальное противопоставление партиципированной ментальности и логическо-

го мышления, составляющее содержание книги, оказалось смазанным тавтологией.

На деле это не ошибка, а подтасовка, которую можно объяснить идеологическими причинами. Первое русскоязычное издание вышло под общим руководством Н. Марра в издательстве «Атеист» с эпиграфом «религия – дурман для народа». Вульгарный парафраз ленинского афоризма «религия – опиум народа» изобличает вульгарную цель издания. Она заключалась в том, чтобы показать, до какого безумия может довести человека дурман религии, тогда как Ленин имел в виду опийное успокоение души.

Первобытное сознание Марр понимал как отсталое, закосневшее под влиянием религиозных представлений – и только. Здесь явно умышленная подтасовка, потому что вульгарному марксисту Марру надо было подчеркнуть именно религиозный характер первобытной психики, как главный объект атеистических нападок. Концепция анимизма, как первой формы религиозного мышления, его устраивала, поэтому текст Леви-Брюля был извращен до обратного смысла, равно как и афоризм Ленина.

Качественной разницы между пралогической ментальностью, которую даже трудно назвать мышлением, и логическим мышлением в русском переводе книги нет, переход выглядит как простой отказ от глупой, слепой веры, а ведь это догмат эволюционной степуляции, с которой Леви-Брюль боролся. В русских переводах он выглядит как типичный

анимист, никакой разницы со взглядами Тэйлора. Именно поэтому мне и пришлось обратиться к оригиналу. В ходе чтения восприятие разрывал когнитивный диссонанс: на словах у Леви-Брюля идет критика анимизма, а содержательно через бесконечные «сопричастности» идут подтверждения анимизма. Но при этом примеры никак не вписываются в «сопричастности». Совет всем: читая Леви-Брюля по-русски, всюду выбрасывайте выражение «сопричастность». Это пошлая, глупая, подлая ложь, нанесшая огромный урон великой книге. Заменяйте словом «партиципация».

Приведу только один пример, где ясно видна абсурдность замены «партиципации» на «сопричастность».

«Для подобного мышления личности, составляющие тотемическую группу, сама группа, тотемическое животное, растение или предмет – все это одно и то же. «Одно и то же» следует разуметь здесь в смысле не закона тождества, а закона сопричастности» (Леви-Брюль, 1999а. С. 193). В словах «не закон тождества, а закон сопричастности» смысла нет, это просто тавтология, не совсем однозначная, но от этого еще более пошлая. Замените последнее предложение на «не закон тождества, а закон партиципации» – и все встанет на свои места. *Партиципация противопоставляется тождеству*, как оно фигурирует в логическом мышлении. «Одно и то же» в восприятии первобытных людей образуется благодаря расщепленности сознания, которое все лепит в «одно и то же», не видя объективной разницы между разными

сущностями.

В одном из рассказов К. Маккалоу юноши, шутя, положили кашку из ночного горшка на кусок хлеба и подменили ею бутерброд шизофреника. Он съел, улыбаясь, потому что для него все, что имеет форму бутерброда, – одно и то же. Сравнение грубовато, признаю. Первобытные люди, конечно же, различали экскременты и мясо. Но покойника от живого не отличали, во всяком случае ментально. Не отличали попугая от человека, если попугай – тотем.

Сверхъестественные силы «видятся уму первобытного человека лишь в изолированном и, так сказать, разрозненном виде (*какая же это сопричастность? – В.Т.*). Они не образуют какие-то группы, в которых одни из этих сил подчинены другим, более высоким, а те в свою очередь зависимы от «высшего существа». Здесь нет никакой системы, никакой иерархии, которая позволила бы группировать или объединять эти представления (*где сопричастность? – В.Т.*). Подобно тому как первобытные люди не имеют понятия о таком порядке вещей в природе, который можно было бы объяснить, они не испытывают никакой потребности в том, чтобы представить себе какую-то систему сверхъестественных существ, объединить их в некоторое понятное целое (*где сопричастность? – В.Т.*). Мы сталкиваемся здесь с тем, что выражено в формуле эскимосского шамана: «Мы не имеем верований, мы боимся». Это означает: «Наши представления о невидимых силах не сравнимы с религиозными веро-

ваниями белых. Эмоциональная в существе своем природа наших представлений исключает всякое общее понятие об отношениях этих сил между собой, всякую догму об их сущности. Здесь нам не над чем размышлять. Мы умеем только бояться. При каждом знамении, возвещающем беду, нас обуревают страх... Мы думаем только об обрядах и церемониях, от которых ждем спасения в этих случаях. То же самое, т. е. разрозненность представлений о невидимых силах, Ландтман наблюдал на другом конце мира, на Новой Гвинее» (Левин-Брюль, 1999 в. С. 383; *и тут никакой сопричастности.* – В.Т.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.